

С ПАРТИТУРЫ ПЕСЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Говорят, историю можно начинать писать лишь спустя четверть века после события. Латвия вплотную подошла к этой черте. Вторая республика, восстановленная в 1991 году, по возрасту сравнялась с Первой, провозглашенной в 1918-м и просуществовавшей до 1940-го. Что стало главным завоеванием и разочарованием минувших 20 лет? Каковы виды на будущее у маленькой страны на востоке Европы, которая сейчас переживает не лучшие времена? Получила ли Латвия ту независимость, о которой так долго мечтала? Не растворится ли её национальное своеобразие в «плавильном» котле евроинтеграции? «Янтарный мост» побеседовал об этом с людьми, стоявшими у истоков Песенной революции – Атмоды, – круто изменившей судьбу Латвии в 1991 году. Первый премьер независимой Латвии, евродепутат Ивар Годманис, основоположник ее законодательства Талавс Юндзис и вечный диссидент Янис Кучинскис вместе боролись тогда за свободу своей страны.

Сегодня события 1990-х годов и будущее Латвии они видят по-разному. Одни считают Латвию равной среди равных в ЕС, другие – бесправной колонией «хищного» Запада.

МЕЧТЫ: ПРОВЕРКА ВРЕМЕНЕМ

В 1990-е годы народ, охваченный стремлением к свободе, в едином порыве устремился навстречу новой жизни. Мечты о будущем в независимом государстве были прекрасны. Сбылись ли они?

Иварс Годманис: По большому счету сбылись. Самое главное – Латвия снова стала независимой. Все эти годы мы строили в стране демократическую систему, которая обеспечивает права и свободы человека во всех сферах.

Талавс Юндзис: Сегодня мы в Латвии понимаем, что значит свобода и независимость. Мы ощущаем это каждый день и каждую минуту. Приведу только два примера, хотя их, конечно, намного больше. Во-первых, трудно переоценить значение свободы слова – когда можно совершенно свободно высказываться о любом руководителе страны, включая президента, что раньше было невозможно. Во-вторых, это свобода передвижения. Мне очень нравится путешествовать, и для меня это важно.

Янис Кучинскис: Кое-какие возможности увеличились. Можно свободно купить книги на английском языке, «шмотки», бытовую технику, подержанную машину, если, конечно, есть деньги. Но разве это главное? Мы сдались Западу, поменяв Родину на стеклянные бусы, как некогда индейцы в Америке. Страну включили в новый союз, не дав ни одного дня побыть независимой. Латвия, завоеванная без единого выстрела, стала колонией Запада. Банки, супермаркеты, бензоколонки, телеви-

Иварс Годманис: последний из могикан

Родился в 1951 году. Окончил физико-математический факультет Латвийского университета, стажировался в Австрии. Доктор физических наук.

В период Атмоды активно включился в общественную деятельность, которая быстро переросла в политическую. В 1989 году Годманис стал заместителем председателя Народного фронта – организации, провозгласившей своей целью восстановление государственной независимости Латвии. Был первым главой правительства независимой Латвии, возглавляя Совет министров с 1990 по 1993 год. Позже Годманис был министром финансов и министром внутренних дел. С 2007 по 2009 год снова возглавлял правительство страны. В настоящее время – депутат Европарламента.

Единственный действующий латвийский политик поколения Атмоды.



Талавс Юндзис: оптимист федеративной Европы

Родился в 1951 году. Окончил юридический факультет Латвийского университета. Доктор юридических наук, доктор политологии.

Один из авторов Декларации о государственной независимости, которую Верховный Совет Латвии принял 4 мая 1991 года. Член латвийской делегации на переговорах с Российской Федерацией о выводе из Латвии российских войск. Первый министр обороны после восстановления независимости Латвии. Автор более 80 научных статей и книг, в том числе монографии «Безопасность и оборона Латвии» (1995). Вице-президент Академии наук Латвии.



Янис Кучинскис: вечный диссидент

Родился в 1956 году. Окончил Рижский индустриальный политехникум. Участвовал в работе диссидентской группы советских времен «Хельсинки-86». Был одним из членов Гражданских комитетов, борющихся за независимость, редактором запрещенной газеты «Пилсонис» (Гражданин). Автор книг «Новый мировой порядок и мы сами» (2000), «Жизнь в состоянии войны» (2010), множества публикаций. Еще десять лет назад в числе евроскептиков давал негативный прогноз последствий вступления Латвии в ЕС. Работает в охране железной дороги.



дение – всё принадлежит западным «инвесторам».

В Латвии культивируется миф о том, что 20 лет назад латышский народ на баррикадах голыми руками победил империю со всеми её спецслужбами и воинскими частями. На самом деле наша Атмода – отражение геополитических процессов, борьбы двух систем. Запад решил поддержать президента Ельцина как более удобного для себя.

Дальше всё развивалось по единой схеме, разработанной в США. Перестройка пришла к нам из Москвы. Латвия стала лабораторией цветной революции, а реализовали ее Народный фронт и правительство Годманиса, которое еще в январе 1991 года, отпустив цены, ввело в стране шоковую терапию. Затем – по сценарию – в центре города раздались выстрелы снайперов. Опробован-

ные в тот год на нас методы позже переключали и в другие страны.

СДЕЛАТЬ НАМ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ...

Каковы, по-Вашему, самые большие проблемы нынешней Латвии?

Иварс Годманис: Еще очень много нужно сделать, чтобы решить социальные вопросы, поднять уровень жизни в Латвии до среднеевропейского. Большинство государств Евросоюза отличают именно эти два качества – демократия и социальная защищенность. Честно говоря, не думал, что кризисы – в основном банковские – будут достигать Латвию через каждые семь-десять лет. Эти кризисы очень сильно повлияли на внутреннюю ситуацию.

Талавс Юндзис: Латвийская Республика впервые была провозглашена в 1918 году и уже к 1940 году достигла весьма высокого для того времени уровня благосостояния. Тогда мне думалось, что, восстановив государственную независимость, мы через десять – максимум пятнадцать лет тоже будем жить в благополучной стране. Но этого, к сожалению, не произошло. Грустно! Да, в Латвии есть очень богатые люди, но средняя зарплата у нас составляет 417 латов (около 800 долларов США) в месяц. По этому показателю мы занимаем одно из последних мест в ЕС. Конечно, на этот вопрос можно взглянуть и с другой стороны: пусть Латвия – не самая богатая из стран Евросоюза, но в списке 200 государств мира она по уровню благополучия занимает 47-е место. Так что всё относительно...

Надо признать, что неэффективна и наша политическая система, основанная на пропорциональной системе выборов. Она существует во многих государствах Европы, но для таких молодых стран, как Латвия, не слишком подходит, поскольку позволяет многим партиям иметь своих представителей в парламенте. С этим связан еще один большой минус – постоянные партийные споры по всем актуальным вопросам, а как следствие – нестабильность коалиционного правительства. Я бы назвал это даже более жестко – политическая безответственность, которая не позволяет быстро и эффективно проводить реформы. Неслучайно в Латвии приобретает популярность идея перехода к президентской республике.

Янис Кучинскис: То, что происходит сейчас в политической жизни страны, можно сравнить с возвращением государства в Средневековье, когда латыши были совершенно бесправными. По-

зволю себе напомнить, что Первая республика родилась в 1918 году, сразу после Первой мировой войны и революции. Страна была разрушена, люди много и тяжело работали, но жизнь постепенно улучшалась – безо всяких кредитов МВФ. А в 1990 году страна не испытывала никакой разрухи. У Латвии не было долгов – Россия их взяла на себя, существовала промышленность, которую можно было и дальше развивать. Но её сознательно уничтожили, превратив Латвию в отсталую страну. Чтобы тысяча с лишним доморощенных миллионеров процветали, сотни тысяч латышей должны были потерять работу и свои сбережения.

В своей книге «Новый мировой порядок и мы сами» я еще в 2000 году прогнозировал, что в Евросоюзе с нами произойдет то же самое, что произошло в XIII веке, когда Ватикан благословил балтийские племена, принявшие христианство, на создание своих государств. Всё кончилось тем, что права местных народов были аннулированы, они оказались еще и в долгу у немцев. Не случайно в центре Риги восстановили Дом Черноголовых – дворец немецких торговцев, начали перевозить герцога Екаба, прекрасные шведские времена, а на улицах почти все вывески исключительно на английском языке. Экономист Майкл Хадсон из США прав, когда говорит, что в восточноевропейских странах ЕС ведет себя, как на оккупированной территории, с покоренными врагами. Так называемая политическая элита Латвии – это компрадоры, которые действуют в интересах зарубежного капитала. Самое фантастическое то, что большая часть латышей продолжает считать их своим «законным» правительством. А премьер Латвии Валдис Домбровскис уничтожение латвийской экономики искренне называет историей успеха!

ОДНА СТРАНА, ДВЕ ОБЩИНЫ

За двадцать лет независимости Латвии так и не удалось решить национальный вопрос. Общество остается расколотым – двухобщинным. В стране до сих пор около 300 тысяч неграждан. Кто в этом виноват и что делать?

Иварс Годманис: В Латвии у неграждан есть все возможности получить гражданство. Однако если у человека нет желания, то в демократическом государстве его нельзя заставлять стать гражданином. Любопытная статистика: когда с паспортом негражданина нельзя было свободно перемещаться по Европе, в год в Латвии натурализовывалось 15-16

тысяч человек. А когда это препятствие было снято, то количество натурализовавшихся сократилось до 1-2 тысяч в год. Надо также учитывать, что для неграждан существенно облегчен въезд в Россию по сравнению с гражданами Латвии.

Чтобы стать гражданином, нужно знать латышский язык. Это нормально, так как я не знаю ни

взять на себя ответственность за неудавшуюся интеграцию общества. И первое, о чем я думаю в этой связи – обучение латышскому языку. Его знание является самым важным фактором интеграции. Неужели для того, чтобы, наконец, открыть в Риге курсы латышского языка, мэром Риги должен был стать этнический русский Нил Ушаков?



одной европейской страны, в которой можно стать гражданином без знания государственного языка. Чтобы государство было стабильным, не нужно раздавать гражданство всем, но и замораживать этот вопрос неправильно.

Одно время я считал, что достаточно сменить одному поколению, и партии на мононациональной основе в Латвии канут в Лету. Сейчас я больше так не думаю. По-видимому, численное соотношение между латышами и русскоговорящими 58/42 всё же является источником для воспроизводства таких партий. Однако всё большая интеграция Латвии в Европейский союз всё же со временем будет способствовать уменьшению национально-политического противостояния.

Талавс Юндзис: Политические партии, находившиеся у власти в течение всех этих лет, должны

Янис Кучинскис: В 1990-е годы нас разорили, а чтобы мы все вместе не стали сопротивляться этому процессу, власти начали стравливать обе общины, провоцируя языковые «войны», поддерживают в общественном сознании миф о российской угрозе. Парадокс, но пока латышский народ не един, русские в Латвии – стабилизирующий фактор. Представьте себе, что было бы, если бы все они вдруг исчезли. При нынешнем отношении к человеку, государству и национальным интересам, не исключено, что мы бы стали «поедать» друг друга ещё с большим аппетитом, всё глубже погружаясь в зависимость от Запада.

Мы не способны на солидарность – ни социальную, ни национальную. Поэтому в Латвии сегодня и возможно проводить подобные эксперименты. Латышам, конечно, неприятно, что в

отдельных районах по национальному составу населения они не чувствуют себя полнокровными хозяева дома. Если верить тому, что пишут в газетах и на интернет-порталах, то может сложиться впечатление, что латыши и русские ненавидят друг друга. Однако в жизни обыкновенные люди разных национальностей сосуществуют вполне дружно. Печальней, что народ массово уезжает из страны.

ЭМИГРАЦИЯ: ГИБЕЛЬ ИЛИ СПАСЕНИЕ?

За последние годы Латвию покинуло более 200 тысяч человек. Разве это не катастрофа для страны, население которой составляет чуть больше двух миллионов?

Иварс Годманис: Латвия живет в системе Евросоюза, которую отличает полная свобода выбора – каждый человек может сам решить, где ему жить, где работать, где заниматься бизнесом.

Несомненно, в Евросоюзе есть страны, где уровень жизни выше, чем в Латвии. Люди хотят жить лучше, и не когда-нибудь потом, а уже сейчас, и поэтому уезжают. Не думаю, что мы вправе их упрекать. Так сложилась ситуация: многие взяли кредит, чтобы приобрести квартиру или дом, а потом начался кризис, и оказалось, что нечем платить по долгам. Выравнивание уровня жизни в разных странах является важной линией политики Евросоюза, и Латвия постепенно приближается к средневропейскому стандарту. На мой взгляд, процесс отъезда из Латвии больше не будет идти по нарастающей. Не забывайте и о том, что те страны, куда уезжают латвийцы, переживают кризис не легче, чем мы.

Талавс Юндзис: Не стоит это воспринимать слишком драматично. Мы только что начали выходить из кризиса. А если бы те 200 тысяч человек, которые уехали в другие страны, остались в Латвии? Что было бы тогда? Уровень безработицы – намного выше, на выплату пособий уходило бы намного больше бюджетных средств. А так работающие за рубежом латвийцы присылают деньги в Латвию, никто не знает точно, насколько велик этот финансовый поток, но понятно, что он очень и очень внушителен. В этом и состоит практическая сторона вопроса.

Но есть и стратегическая. Похожая ситуация складывалась и во многих других странах мира. Президент Академии наук Китая рассказывал мне, что многие китайцы, в свое время покинувшие страну, сейчас возвращаются на родину. Возвращаются

с полученным в США и других странах образованием, накопленными знаниями и опытом. Приведу только одну цифру: 40% профессоров в США – китайского происхождения. И я очень надеюсь, что скоро и люди, уехавшие из Латвии, начнут возвращаться – с дипломами об образовании и накопленным опытом. И этот опыт, и образование Латвия получит бесплатно...

Янис Кучинскис: Следует признать за факт, что страна заплатила слишком высокую цену за выполнение маастрихтских критериев: латыши вымирают. Люди вынуждены оставлять родину, где нет ни еды, ни работы. Если в городах еще существуют социальные программы, то деревня, где в основном живут латыши, на глазах уничтожается. С карты Латвии уже исчезло более 500 населенных пунктов. Дома стоят заброшенные, иностранцы скупили землю, а школы и больницы закрываются. И Брюссель поддерживает эту политику геноцида, потому что в старых странах Европы катастрофическая демографическая ситуация. Европейцам нужны «рабы», дешевая рабочая сила белой расы, которая легко ассимилируется. И наши дети, получившие образование на латвийские деньги, как нельзя лучше для этого подходят. Впрочем, наши политики в 1990-х годах и не скрывали, что Латвия войдет в мировой оборот своей дешевой рабочей силой.

СОЮЗ РАВНЫХ ИЛИ ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Не считаете ли вы, что современная Латвия – член Евросоюза и НАТО, – не соответствует той модели независимого государства, которое многие латыши представляли себе в 1990-е годы? Для них образцом была Латвия 1930-х годов – национальное обособленное государство. Но разве федеративность, к которой в последнее время тяготеет ЕС, не уничтожает национальные государства?

Иварс Годманис: Нельзя сравнивать то, что было 80 лет назад, с днем сегодняшним. Тогда ситуация принципиально отличалась от нынешней. В 1930-е годы национальное обособление могло служить фоном для роста самосознания, а то, что производилось в Латвии, в Латвии и потреблялось. Сегодня мы живем в глобальном мире и можем покупать товары и услуги у кого угодно и продавать свои товары и услуги кому угодно. А в таких условиях обособление не конструктивно.

Мечта о национальном государстве в наше время превращается в нечто другое. Это непрерывное состязание – к тому же, при открытых границах. И понимание этого – ключ к постижению ситуации. Отгораживаясь от других, можно быстро потерять, во-первых, уровень жизни, а во-вторых, собственные культурные и национальные особенности. Очевидно, что Евросоюз стремится к тому, чтобы ни одно из государств, входящих в него, не теряло свои культурные и национальные особенности. Национальное своеобразие Франции, Германии, Испании, Италии и других стран никуда не делось. И никуда не денется. Как и наши национальные приоритеты.

Федерализм Евросоюза стал ответом на тот тяжелейший кризис, который постиг Европу. Целый ряд европейских стран, в том числе и Латвия, оказались в очень тяжелом положении. Помощь Евросоюза практически спасла Латвию, Грецию, Португалию, Ирландию. Да, сегодня лозунг федерализма используют как флаг, пытаются доказать, что в едином государстве всем станет лучше жить. Но это неправда – не будут те, кто работает хорошо и, соответственно, больше зарабатывает, просто платить тем, кто работает хуже.

На мой взгляд, Евросоюз движется к более эффективному взаимодействию между государствами, но ни в коем случае не к федеративному государству. Не думаю, что разговоры о федеративности будут иметь серьезные последствия, особенно теперь, когда Евросоюз выходит из кризиса.

Талавс Юндзис: Я вижу будущее Евросоюза как федеративного государства, но при условии, что ценностью этого федеративного государства станут национальная идентичность и разнообразие. В современном мире экономики маленьких стран просто не могут выжить. И не надо бояться того, что Латвия – экономически и политически – будет состоять в едином демократическом союзе. Разнообразие народов – богатство ЕС, и у нас нет причин беспокоиться за свою национальную идентичность. Если уж мы сохранили свой язык, свои традиции и культуру в рамках СССР, то почему мы должны потерять их в Евросоюзе?

Я скептик по поводу будущего Евросоюза в его нынешнем виде. Сегодняшняя Европа не конкурентоспособна. А вот по поводу федеративной Европы я оптимист. Никуда мы от федеративной Европы не денемся, жизнь заставит сделать этот выбор.

Янис Кучинскис: Евросоюз не союз современных государств, а бизнес-проект для богатых,

созданный для расширения рынка сбыта. В нем страны конкурируют между собой, и сильные душат слабых. Важные решения в Риге больше не принимаются. Сейм и Кабинет министров только приспособливают к местным особенностям принятые в Брюсселе документы, которые определяют всю экономическую и социальную политику страны. Даже размер зарплат, пенсий, пособий согласуется с международными организациями. До 2004 года президент Латвийского банка и премьер подписывали меморандум с Международным валютным фондом, а уже потом утверждали взятые на себя обязательства в сейме – это уже не так!

Выполнение инструкций Брюсселя у нас называется выполнением домашнего задания. Не случайно опросы показывают, что 70,9% латвийцев считают, что западные страны используют страну в личных интересах, а 78,3% уверены, что Латвия в ЕС – страна второго сорта.

Действия нынешних местных властей ничем не отличаются от того, чем в советское время занимались Пельше и Восс – выслуживаясь перед властями, они делают себе карьеру на несчастье собственного народа. Так, нынешние власти форсируют переход на «зеленую» энергию, заставляя жителей платить за неэффективное производство.

В 1940 году, как известно, Латвия перешла на советские рубли. И сейчас, спустя 73 года, оккупационный лат собираются заменить оккупационным евро. Что думает об этом народ, никого не интересует, как не интересовало и тогда. Нас уверяют в том, что государство в рыночные отношения не вмешивается. Однако делается всё для того, чтобы у Латвии не было экономических отношений с Россией. Один только пример: лекарства, поступающие с востока, облагаются большим налогом, чем западные.

Наша история учит, что когда Латвия была в составе империи, когда между странами шла интенсивная торговля, это всегда приводило к экономическому подъему. Как только экономические связи прерывались, наступал крах. А 54,4% жителей Латвии и сегодня считают, что при СССР Латвии жилось хорошо, 64,6% уверены, что будущее страны – в более тесном сотрудничестве с Россией и с другими странами СНГ. Но Западу эта социология не интересна...

Ольга Ларина,
Ина Ошкая,
специально для «Янтарного моста»